

НИНА БУСОВА,

кандидат философских наук, докторант
кафедры философии и социологии Харьков-
ской государственной академии железно-
дорожного транспорта

Проблема кризиса правового регулирования в свете теории социальных систем Н.Лумана¹

Abstract

The paper concerns the regulatory failures in modern welfare state. According to Luhmann regulatory crisis is caused by the fact that political system takes on overall responsibility for social processes. While using a legal system as instrument of policy implementation, it overloads law's capacities for social control. In modern complex functionally differentiated society, various social subsystems have developed their own specific rationality and achieved a high degree of autonomy. Law breaks down when it violates the inner logic of the field that it must regulate. The possible solution is that law should only stimulate self-regulatory processes in different spheres of society instead of attempting to control them directly.

Вопрос о неудачах правового регулирования актуален не только для бывших социалистических стран, но и для Запада с его давними традициями правового государства. Ряд специалистов по социологии права говорят даже о кризисе правового регулирования, который, по их словам, наблюдается в последние десятилетия во многих западных странах [1, с. 65–66]. Одним из проявлений этого кризиса является явный избыток права, перепроизводство правовых норм, о чем пишут юристы, социологи, экономисты, философы [2–7]. Найдено немало выразительных слов, описывающих “бюрократизацию общества в государстве благоденствия”, его юридика-

---

¹ В основу статьи положен доклад, прочитанный на заседании Харьковского юридического общества 19 ноября 1998 года.

цию (juridification), “правовое загрязнение”, “неконтролируемое размножение правовых норм”, “ползучий легализм”, “правовой взрыв”, “наводнение норм” и т.д. Пожалуй, самая яркая формулировка принадлежит Ю.Хабермасу: “колонизация жизненного мира” [8, с. 356–373].

Юридикация общества — порождение государства благоденствия, ставшего реальностью в западном мире после Второй мировой войны. Предшественником государства благоденствия было социальное государство, которое еще в 20–30-е годы взяло на себя компенсацию негативных последствий индустриализации. Переход к государству благоденствия означал, что государство возлагает на себя заботу не только о тех, кто пострадал от индустриализации, но обо всем населении в целом. При этом его попечение распространяется на все сферы жизни общества; политической проблемой, по выражению Н.Лумана, становится даже установка сушилок для рук в общественных туалетах. Государство благоденствия очень далеко ушло от образа государства в теориях классического либерализма, где оно предстает как ночной сторож, охраняющий с помощью формального рационального права условия функционирования свободного рынка. Если в классическом либерализме было популярно выражение Адама Смита о невидимой руке рынка, регулирующей экономические процессы, то сейчас говорят о видимой руке, иногда даже о “видимой лапе” государства, которое вмешивается в рыночные процессы, с тем чтобы ограничить власть рынка, исключить злоупотребление этой властью.

В условиях демократии, в правовом государстве инструментом планирования и осуществления определенного политического курса является право. “Чего бы ни хотели достичь политики и что бы ни намеревались осуществить, это не будет функционировать без права”, — пишет Н.Луман [9, с. 194]. Поскольку государство благоденствия берет на себя регулирование чуть ли не всех сфер жизнедеятельности общества, это ведет к юридикации и бюрократизации жизни общества. В государстве благоденствия наблюдаются явные тенденции к “материализации”, точнее, к новой “материализации” формального права [10; 11].

В свое время М.Вебер провел общеизвестное ныне различие между формальной и материальной правовой рациональностью [2, с. 655–657]. Согласно Веберу, право может быть иррациональным или рациональным, а также формальным или материальным по ориентации. Право рационально в той степени, в какой его действие подчиняется общим правилам, а не субъективной реакции судьбы или иррациональным основаниям, таким, как прорицания или ордалии (“суд божий”). Материально рациональное право определяется общими правилами, которые согласуются не с самим правом, а с моральными ценностями, религиозной доктриной, принципами общественной пользы, политической идеологией. Формально рациональное право отвечает общим правилам, которые основаны на внутренней логике правового анализа. В такой правовой системе “правовые характеристики фактов раскрываются посредством логического анализа значения и ... соответственно, формулируются и применяются в виде высоко абстрактных правил четко определенных правовых понятия” [12, с. 657]. С точки зрения Вебера, именно этот тип права характерен для современных западных обществ. Формальное рациональное право сыграло столь же важную роль в возникновении капитализма, как и протестантская этика, поскольку оно исклю-

чает произвол и делает поведение правовой системы предсказуемым, что важно для целерациональной экономической деятельности. Однако в настоящее время многие авторы доказывают, что современное право изменяется в сторону скорее материальной, чем формальной рациональности, в сторону все возрастающего регулирования, направляемого общими политическими соображениями. Связано это с тем, что государство благоденствия берет на себя ответственность за ограничение произвола рынка, за глобальную экономическую политику и за компенсаторную социальную политику. Как отмечает Г. Тойбнер, «юридификация означает не просто разрастание права, она означает процесс порождения интервенционистским социальным государством нового типа права, регулятивного права» [6, с. 18].

Избыток права — это одно из проявлений кризиса регулирования. Другое его проявление заключается в том, что право, используемое государством благоденствия как средство контроля и управления, зачастую либо оказывается неэффективным, не срабатывает, либо разрушает ценные структуры, сложившиеся в регулируемых социальных сферах. В качестве примера неэффективности обычно приводят законы об охране окружающей среды или о защите прав потребителя. А как пример разрушительного воздействия права на регулируемую сферу социальной жизни приводятся программы по оказанию социальной помощи. В этом случае право вторгается в «жизненный мир», привнося в него собственные критерии и образцы организации. Помощь здесь предполагает переопределение индивидуальной жизненной ситуации в абстрактных терминах бюрократических правил, чтобы привести ее в соответствие с правовыми условиями предоставления компенсации. Многообразие индивидуальной жизни подвергается «насильственному абстрагированию», что чревато тягостными последствиями для самоуважения человека, его отношений с родными, друзьями, соседями. Снижается готовность людей к взаимопомощи, к неформализованной и небюрократизированной поддержке близких, попавших в бедственное положение. В то же время, социальные программы, предлагающие компенсацию, как правило, в денежной форме, далеко не всегда дают адекватный ответ на изменения в жизненной ситуации (такие, например, как потеря работы), которые не сводятся только к проблемам потребления [8, с. 362–363]. Получение помощи нередко связано с ограничением свободы, с необходимостью информировать чиновников о многих непубличных сторонах своей жизни. Не разбираясь в запутанной системе законов, регулирующих оказание социальной помощи, люди не только не могут воспользоваться многими правами, но и испытывают бессилие и страх перед этой системой [1, с. 163]. Все это отрицательно влияет на самооценку, а значит и на способность человека прилагать усилия к улучшению своего положения. Подобные следствия государственного вмешательства Ю. Хабермас и назвал колонизацией жизненного мира.

Специалисты в области социологии права по-разному реагируют на кризис регулирования. Некоторые видят его причину в дефиците принуждения и, соответственно, призывают к увеличению ресурсов и средств власти. Другие говорят о недостаточном знании юристами регулируемых социальных сфер и о роли социальных наук в процессах формирования правовых понятий и принятия судебных решений. Особенно это касается законов, регулирующих экономическую деятельность. Здесь правовая аргу-

ментация и в академических спорах, и в судах перенасыщена экономическими терминами. Некоторые призывают к дерегуляции, к возврату от регулирующего права к классическому формальному праву, задача которого — обеспечить формальные рамки развития социальной автономии.

Сторонники Н.Лумана (среди них наиболее активен социолог права Гюнтер Тойбнер) призывают обратиться к теории систем, чтобы объяснить провалы в регулировании. Применительно к праву лумановскую теорию систем чаще называют теорией аутопоэзиса в праве. Нельзя сказать, что это ведущее направление в западной социологии права, но это подход, который привлекает к себе все больше внимания. В Германии в последнее время вообще говорят об “аутопоэтическом повороте” в социальном и гуманитарном знании в целом [13, с. XV].

Согласно Луману, существует три вида систем: биологические (живые организмы), психические (сознание индивидов) и социальные — они и являются основным предметом его исследования. К социальным системам относятся подсистемы, которые в результате функциональной дифференциации общества выделились в закрытые системы; каждая из них обрабатывает информацию с помощью особого специфического кода, своих программ и ценностей. Такими системами являются политика, право, наука, экономика, религия, искусство, образование, здравоохранение, семья. Каждая функциональная система выполняет свою функцию в обществе. Например, социальная функция политики — выработка обязательных для всех решений, функция права — принятие мер предосторожности против конфликта.

В то время как классические учения о системах исследовали главным образом внутренние отношения между элементами и занимались поиском вновь возникающих свойств системы (“целое больше, чем сумма частей”), Луман фокусирует внимание на отношении между системой и ее окружением. Он полагает, что, в конечном счете, все проблемы самой системы сводятся к этому отношению [14, с. 2]. Суть его выражается в *уменьшении сложности* реальности. Реальность характеризуется сложностью, то есть избытком возможностей разных событий. Системы являются островами меньшей сложности по сравнению с окружением и выделяются из окружающей среды благодаря отбору возможностей, поскольку внутри системы возможен только определенный ограниченный ряд событий. В то же время каждая система должна до некоторой степени “соответствовать” сложности окружающей среды: она должна, с одной стороны, отражать достаточно мало этой сложности, с тем чтобы дифференцироваться от среды, а с другой — достаточно много, чтобы сохранять соответствие своему окружению. Поэтому главная работа системы — уменьшение сложности, что происходит за счет отбора информации об окружающей среде: на какие-то воздействия среды система не реагирует вообще, они остаются шумом; на какие-то реагирует, резонирует, и тогда они становятся информацией, то есть событием в окружающей среде, которое меняет состояние системы, оставляет в ней след [13, с. 67]. Положение о том, что *упрощение сложности* реальности жизненно важно для сохранения и функционирования системы, можно проиллюстрировать на примере психической системы: сверхчувствительной психике, реагирующей на слишком широкий диапазон воздействий со стороны окружающей среды, грозит патология, делающая невозможными

принятие решений, выполнение простых задач и, в конечном счете, функционирование человека в обществе.

Отбор информации определяется кодом и программами системы. Системы отличаются различными способами отбора и обработки информации об окружающей среде и реагируют только на те ее воздействия, которые соответствуют их структуре. Эволюция системы ведет к повышению ее внутренней сложности; в результате, с одной стороны, усиливается избирательность резонанса системы, с другой — повышается ее чувствительность к воздействиям определенного рода, тем, что могут быть отображены с помощью ее кодов и программ.

Для характеристики закрытости систем Луман использует понятие “*аутопоэсис*”, что на русский язык переводится примерно как “самопродуцирование”. Это понятие было введено в теоретическую биологию в 70-х годах У.Матурано и Ф.Варела, которые использовали его для обозначения уникальной способности живых систем поддерживать свою автономию и единство посредством собственных операций. Аутопоэтическая система воспроизводит все элементы, из которых она состоит, посредством самих этих элементов, организованных определенным образом, и таким путем выделяет себя из окружающей среды, становится закрытой для нее. Важная заслуга Лумана заключается в том, что эвристическую модель аутопоэсиса, разработанную в теоретической биологии, он смог плодотворно применить к анализу социальных систем, где эта модель получила еще одно название — *самореференция*. С точки зрения данного подхода, социальные системы конституируют себя самореферентно, то есть все, что функционирует как элемент системы, является продуктом самой этой системы. Луман показал, что понятие аутопоэсиса может быть распространено на социальную сферу только в том случае, если в качестве элементов социальной системы рассматривать не личности, субъекты, индивидов и т.д., а коммуникативные акты. Общество — это система, которая включает все осмысленные коммуникативные акты. “Социальную систему составляют значимые коммуникации — только коммуникации, и все без исключения коммуникации”, — пишет Луман [15, с. 18]. Коммуникативные акты связаны аутопоэтически, потому что каждый акт коммуникации происходит на основе предыдущей коммуникации и ориентирован на будущую коммуникацию. Общество как система коммуникаций — система закрытая. Коммуникации воспроизводятся только через коммуникации, все, что не есть коммуникация, относится к окружающей среде общества. Это касается и биологических и психических систем. Они тоже составляют окружение общества, естественно, такое, без которого коммуникация невозможна.

Повышение внутренней сложности общества приводит к его функциональной дифференциации, то есть выделению внутри общества подсистем, каждая из которых выполняет определенную функцию. Эти подсистемы Луман называет функциональными системами или просто социальными системами (они уже назывались выше). Выделение этих социальных систем означает выделение, обособление особого типа коммуникаций, которое происходит благодаря тому, что каждая функциональная система использует свой специфический бинарный код и свои программы для отбора и обработки информации. Примеры бинарных кодов: в праве — “законный/незаконный”, в политике — “правительство/оппозиция”, в

экономике — “платеж/неплатеж”, в науке — “истинное/ложное”. Все, что происходит в системе, рассматривается в свете таких кодов как относящееся к выбору одной или другой стороны кода, то есть в экономике — как решение платить или не платить определенную цену, в науке — как решение считать гипотезу истинной или ложной, в праве — решение рассматривать, скажем, иск как законный или незаконный. Интересно действие кода политической системы: “правительство/оппозиция”. Согласно Луману, любой вопрос может стать политическим, но лишь постольку, поскольку на его обсуждении и решении может набрать очки, улучшить свои шансы на следующих выборах либо правительство, либо оппозиция [14, с. 86, 89, 120].

Код системы не меняется, он определяет ее идентичность, обособленность. Зато меняются программы, от которых зависит не идентичность системы, а ее способность к адаптации [9, с. 182]. Программа задает условия применения кода. Для права программами являются законы, для науки — теории, для политики — партийное размежевание.

Поскольку каждая система выполняет специфическую социальную функцию, то ни одна из систем не может претендовать на то, чтобы подменить другую или вмешиваться в выполнение ее функции. Правда, такие попытки иногда делаются, но они наносят ущерб функциональной дифференциации общества, лишают общество преимуществ такой дифференциации. В качестве примера Луман приводит политизацию экономики при социализме, а также исламизацию политики, права, экономики [14, с. 109].

Отбирая информацию с помощью специфического кода и программ, каждая функциональная система создает свой образ реальности (политическую, правовую или экономическую реальность и т.п.). Из-за аутопоэтической закрытости системы не могут действовать друг на друга прямо. Самореферентные закрытые системы могут взаимодействовать только внутренне, с собственными элементами. Однако они компенсируют эту взаимную недоступность путем конструирования внутренних моделей внешнего мира, с которыми они могут взаимодействовать внутренне. “То, что система на уровне своих операций рассматривает как реальность, является конструктором самой системы. Предположения о реальности являются структурами использующей их системы” [16, с. 337]. Например, если правовая система организована аутопоэтически, то она не может непосредственно регулировать социальное поведение. Скорее она формулирует правила и решения относительно внутренней правовой репрезентации социальной реальности.

Для каждой социальной системы другие социальные системы представляют собой окружение [14, с. 49]. А это значит, что воздействие одной системы на другую является для этой другой системы шумом, из которого она делает отбор информации в соответствии со своим специфическим образом действия (то есть кодом, программами и схемами интерпретации). Взаимодействие между системами возможно, этого Луман не отрицает. Он отрицает возможность того, чтоб одна социальная система напрямую, что называется “в лоб” регулировала операции другой системы. Однако системы совмещают с аутопоэтической закрытостью когнитивную открытость по отношению к окружению, а значит и по отношению друг к другу. Они способны обучаться — изменяться в ответ на изменения в окружающей

среде и тем самым адаптироваться к ней. Но нельзя определить заранее, в каком направлении будут разворачиваться эти конкретные процессы “обучения”. Для характеристики взаимодействия между системами Луман использует заимствованное у Матурано понятие “структурное сцепление”. Невозможно точно предсказать, каков будет резонанс одной системы на изменения другой, поскольку здесь вступает в свои права *случайность*. Понятие случайности очень важно для характеристики того, как система обрабатывает информацию. Все воздействия окружающей среды, в том числе и других социальных систем, являются шумом, лишь то, что отобрано системой, становится информацией. Отбор подразумевает случайность, так как каждый выбор — это выбор из нескольких возможностей. При этом всегда существует риск неправильного выбора.

Говоря о взаимозависимостях социальных систем, следует отметить трудность перевода с кода одной системы на код другой. Позитивная оценка в одном коде не влечет автоматически позитивную оценку в других кодах. Скажем, истинное для науки может не являться юридически или экономически значимым. И вместе с тем, незначительные изменения в одной функциональной системе могут вызвать эффект взрыва в другой. Так, выплата некоторой суммы денег политику не играет никакой роли в экономическом процессе, учитывая ежедневные перемещения многомиллиардных сумм, а для политической системы это может обернуться огромным скандалом и потрясением.

Сторонники теории аутопоэсиса в праве используют Лумановский анализ отношений между социальными системами для объяснения кризиса регулирования. Политики, пытаясь использовать право как средство вмешательства государства в социальные процессы, исходят из простой каузальной модели: политическая цель детерминирует правовую программу, программа определяет поведение ее исполнителей и групп, на которые она направлена, все это должно произвести требуемый эффект. С такой точки зрения, провалы в регулировании — это проблема либо низкой квалификации исполнителей, либо недостаточного знания. Тойбнер указывает на неадекватность этой упрощенной схемы. Когда государство пытается использовать право как орудие политики, то имеет место взаимодействие трех автономных саморегулируемых социальных систем — политической системы, правовой системы и соответствующей социальной сферы жизни. Проблема регулирования возникает на двух границах права — с политикой и с регулируемой социальной сферой.

Политическая система в конструировании своей внутренней модели общества не всегда готова к тому, что право имеет собственную самореферентную организацию, а правовая система — к тому, что она формулирует правила и решения относительно внутренней правовой репрезентации социальной реальности, но не непосредственно самой социальной реальности. Политика не может прямо влиять на право, она может привести в действие процесс саморегуляции права. Если политики не принимают во внимание пределы саморегуляции права, то политическое решение не может быть переведено на язык права. Сигналы, подаваемые политической системой, не появляются на внутреннем экране правовой системы, они исчезают без следа. Как пример Тойбнер приводит ситуацию с антитрестовским законом в Германии. Законодатель постоянно принимает поправки, обозна-

чающие изменения политического направления, но частые поправки делают невозможным доктринальный анализ закона, а поскольку сами поправки являются результатом политического компромисса, то юристы не имеют ориентиров в применении закона, хотя бы в виде каких-то общих принципов. В результате, по выражению одного критика, такой плод законотворчества представляет собой роман, а не действующий закон [6, с. 22].

Когда политическое решение принимает правовую форму, оно должно адаптироваться к существующей системе норм, что нередко ведет к искажению исходного замысла. Луман приводит пример того, как закон об охране окружающей среды “обезвреживается”, теряет свою настоятельность и “взрывную силу” по мере согласования с существующими законами, касающимися инспектирования рабочих мест, регионального планирования, торговли, налогообложения и т.п. [9, с. 200].

Если политическое решение удачно переведено в применимый закон, то это еще не гарантирует успеха регулирования. Правовые нормы могут столкнуться с сопротивлением саморегулируемой социальной системы, поскольку воздействия правовой системы для системы регулируемой — это шум, из которого она строит собственный порядок в соответствии со своим кодом и программами. Что, например, происходит при регулировании экономики посредством права? Право создает свой образ экономики и формулирует нормы относительно него. В то же время экономика конструирует собственную модель реальности и осуществляет свои процедуры в соответствии с ней. Правовые нормы внутри правовой системы рассматриваются с точки зрения их юридического действия. Но те же нормы оцениваются экономической системой (если они вообще появляются на ее внутреннем экране) не с точки зрения их юридической силы, а как момент, который нужно учитывать в подсчете издержек и прибылей. И если нарушение нормы окажется экономически рациональным, она будет нарушаться, что и означает “провал регулирования”. То, что юристы назовут уловками и нарушениями закона, экономической системой будет рассматриваться как экономически эффективное поведение [17, с. 79, 94].

Итак, с точки зрения теории аутопоэзиса, провалы в регулировании объясняются сложностью взаимодействия трех автономных саморегулируемых социальных систем — политической, правовой и регулируемой сферы общества. Какое решение предлагается?

Право не может взять на себя ответственность за всеобъемлющее регулирование жизни общества. И это не просто проблема недостатка знания. Наука не в состоянии дать всеобъемлющую модель реальности, необходимую для такого регулирования, так как, по теории Лумана, ни одна система не может претендовать на то, чтобы замещать или репрезентировать другую. Но даже если бы наука и предоставила праву такую модель, следует помнить, что само право избирательно реагирует на социальное знание. Известно, например, что невозможно включить некоторые детерминистские психологические модели в юридический дискурс, основанный на presuppositions индивидуальной вины и ответственности [18, с. 746–750]. Отказ от регулирования — тоже не ответ. Функцию права нельзя свести к простому сохранению саморегулируемых структур, как к этому призывают сторонники неоклассического либерализма, например Ф.Хайек. В современном сверхсложном функционально дифференцированном обществе задача

координации друг с другом различных саморегулируемых систем становится особенно важной.

Речь должна идти об изменении понятия регулирования. Необходимо отказаться от представления, что право или политика имеют прямое целенаправленное контролирующее влияние на различные секторы общества. Действие регулирующего права следует описывать гораздо скромнее: не как прямое регулирование по схеме “команда — контроль за выполнением”, а как инициирование, стимулирование процессов саморегуляции социальных институтов. В каком направлении пойдут эти процессы и каков будет результат — вряд ли можно предсказать. Правовое регулирование не изменяет напрямую социальные институты, оно только является новым вызовом для их аутопоэтической адаптации. Внешнее влияние на сферы жизни общества возможно, но только если следовать путем их самовоспроизводства и не выходить за эти пределы. Для описания этой ситуации Тойбнер использует удачную метафору “черных ящиков”, заимствованную из кибернетики: “Самореферентные системы — такие социальные системы, как право, политика и регулируемые подсистемы, — являются “черными ящиками” в смысле взаимной недоступности. Каждая знает, что находится на “входе” и “выходе” другой системы, но внутренние процессы преобразования остаются скрытыми. “Техника черных ящиков” не стремится пролить свет на скрытые внутренние процессы, но пытается обойти обусловленные этой неясностью проблемы непрямым “процедурным” путем. Когда действия “черных ящиков” должны быть скоординированы, каждый сосредоточивает внимание не на внутреннем невидимом механизме другого, но на отношениях между ними. Опыт, приобретенный из наблюдения образцов поведения, очень ценен, даже если внутренние каузальные процессы остаются неизвестными” [19, с. 290–300].

Прообраз аутопоэтической техники контроля Тойбнер видит в трудовом праве. Трудовое право регулирует переговоры о заключении коллективного договора, не пытаясь напрямую контролировать конкретные результаты, а стремясь уравновесить силы договаривающихся сторон, определяя процедурные нормы и влияя на организацию этих переговоров. Право устанавливает параметры для принятия решений, но не диктует их [20, с. 276]. Регулирование должно развиваться в направлении более полного использования процедурных правил, преследуя цель создания организационных структур, призванных сделать регулируемые институты чувствительными к тем последствиям для окружающей среды, которые вызваны их попытками максимизировать свою внутреннюю рациональность.

Литература

1. *Cotterrell R.* The Sociology of Law . — L., 1992. — P.65–66.
2. *Shklar J.* Legalism. — Cambridge (Mas.), 1964.
3. *Friedman L.M.* The Legal System: A Social Science Perspective. — N.Y., 1975.
4. *Abel R.L. (ed.)* The Politics of Informal Justice. — N.Y., 1982. — Vol.1.
5. *Habermas J.* The Theory of Communicative Action. — Cambridge, 1987. — Vol.2.
6. *Tubner G. (ed.)* The Juridification of Social Spheres: A Comparative Analysis in the Areas of Labor, Corporate, Antitrust and Social Welfare Law. — Berlin, 1987.

7. *Galanter M.* Law Abounding: Legalisation Around the North Atlantic // *Modern Law Review.* — 1992. — Vol. 55. — P.1–24.
8. *Habermas J.* The Theory of Communicative Action. — Cambridge, 1987. — Vol.2. — P. 356–373.
9. *Luhmann N.* Political Theory in Welfare State. — Berlin, 1990. — P.194.
10. *Unger R.M.* Law in Modern Society: Toward a Criticism of Social Theory. — N.Y., 1976.
11. *Teubner G. (ed.)*. Dilemmas of Law in the Welfare State. — Berlin, 1986.
12. *Weber M.* Economy and Society. — Berkeley, 1978.
13. *Luhmann N.* Social Systems. — Stanford (Cal.), 1995.
14. *Luhmann N.* Ecological Communication. — Cambridge, 1989.
15. *Luhmann N.* The Unity of the Legal System // *Teubner G. (ed.)*. Autopoietic Law: A New Approach to Law and Society. — Berlin, 1988. — P.18.
16. *Luhmann N.* Closure and Openness: On Reality in the World of Law // *Teubner G. (ed.)*. Autopoietic Law: A New Approach to Law and Society. — P. 337.
17. *Teubner G.* Law as an Autopoietic System. — Oxford, 1992.
18. *Teubner G.* How the Law Thinks: Toward a Constructivist Epistemology of Law // *Law & Society Review.* — 1989. — Vol. 23. — № 5. — P. 746–750.
19. *Teubner G.* Autopoiesis in Law and Society: A Rejoinder to Blankenburg // *Law & Society Review.* — 1984. — Vol.18. — № 2. — P. 299–300.
20. *Teubner G.* Substantive and Reflexive Elements in Modern Law // *Law & Society Review.* — 1983. — Vol. 17. — № 2. — P. 276.